

многочисленные экспедиционные выезды по всей нашей стране и за ее пределами, обобщил свои идеи в книге «Палеоантропология СССР» (1948), однако начало многогранной деятельности ученого было заложено в Сибири.

Учеником Б.Э. Петри был М.М. Герасимов. Его успехи начались в ранней молодости со случайного открытия палеолитической стоянки у с. Мальта на р. Белая (Восточная Сибирь), позже досконально изученной Петри и его сотрудниками. Был открыт комплекс погребений, жилищ, орудий и остатков животных, который стал эталоном археологических памятников древнекаменного века¹⁵. Все его последующие дела и открытия вплоть до метода пластической реконструкции¹⁶ были основаны на принципах палеоэтнографии, заложенных Петри.

Примечания

- ¹ Анучин Д.Н. На рубеже полутора- и полустолетия // Русский антропологический журн. 1916. № 1/2.
- ² Преображенский П.Ф. Курс этнологии. М., 1929. С. 114.
- ³ Гаген-Торн Н.И. Ленинградская этнографическая школа // Сов. этнография (далее – СЭ). 1971. № 2. С. 134–145.
- ⁴ Толстов С.П. Итоги и перспективы развития этнографической науки в СССР // СЭ. 1956. № 3. С. 5–13; Брук С.И., Козлов В.И., Левин М.Г. О предмете и задачах этнографии // Там же. 1963. № 1. С. 11–25.
- ⁵ Томилов Н.А. Этноархеология как научное направление // Этногр. обозрение. 1999. № 6.
- ⁶ Константинов М.В. Оракулы веков. Чита, 1997.
- ⁷ Там же. С. 4.
- ⁸ Там же. С. 7.
- ⁹ Там же. С. 11.
- ¹⁰ Сирина А.А. Забытые страницы сибирской этнографии: Б.Э. Петри // Репрессированные этнографы. М., 1999. С. 57–80.
- ¹¹ Константинов М.В. Указ. раб. С. 56.
- ¹² Окладников А.П. Кяхтинский музей и его вклад в археологию Забайкалья // Тр. Кяхтинского музея краеведения им. академика В.А. Обручева и Кяхтинского отделения ГО СССР. Т. 18. Улан-Удэ, 1961. С. 19.
- ¹³ Цейтлин С.М. Геология палеолита Средней Азии. М., 1979.
- ¹⁴ Дебец Г.Ф. Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья // Изв. ассоциации научно-исследовательских институтов при физико-математическом фак-те МГУ. 1930. Т. III. № 2а. С. 151–169.
- ¹⁵ Герасимов М.М. Мальта – палеолитическая стоянка. Иркутск, 1931.
- ¹⁶ Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу. М., 1955.

© 2000 г., ЭО, № 3

Б.А. К а л о е в. Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999. 393 с.

В издательстве «Наука» опубликована монография «Осетинские историко-этнографические этюды», посвященная решению ряда актуальных проблем этнографии осетин. Его автор – крупный этнограф-кавказовед, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Северной Осетии Борис Александрович Калоев, признанный классик современной кавказской этнологии.

Рецензируемая работа – результат многолетних исследований ученого. Несмотря на самый широкий диапазон научных интересов автора, сфера его предпочтений – проблемы этногенеза, этнической истории и этнографии.

В рецензируемой работе затрагивается широкий круг вопросов. Отдельные разделы книги являются расширенными вариантами более ранних публикаций, другие печатаются впервые. Структура обширной

монографии стройна и логична: каждая из ее четырех глав («Этногенез и этническая история», «Исследования по нартскому эпосу», «Историческая этнография», «История науки»), представляя собой самостоятельное и завершённое исследование, подчинена генеральной идее и целям исследования.

В первой главе – «Этногенез и этническая история» – автор рассматривает вопросы происхождения и истории осетинского народа. В разделе «Данные этнографии и фольклора о происхождении осетин» Б.А. Калоев показывает, что этнографические и фольклорные материалы свидетельствуют о взаимодействии в этногенезе осетин двух главных пластов: скифо-сармато-аланского и древнекавказского. Однако, заключает автор, исследуемый материал «не дает пока возможности определить преобладающую роль какого-либо из этих двух компонентов в формировании осетинской народности. В любой области материальной и духовной культуры, куда бы ни обратились, везде встречаем и кавказские, и иранские черты, причем в одних случаях, например в жилище, кавказские преобладают над иранскими, а в других (в одежде и т.д.) наоборот» (с. 33).

Углубляясь в поставленную проблему, автор детально анализирует ряд главных задач, ведущих к осуществлению цели исследования. Он излагает скифо-сармато-алано-осетинские параллели, предполагающие более чем двухтысячелетнюю историческую ретроспективу. Исследователь учитывает мнения всех специалистов по данному вопросу и, отдавая особую дань уважения трудам В.Ф. Миллера, Ж. Дюмезиля и В.И. Абаева, доказывает большое значение иранского элемента в этногенезе осетин. Б.А. Калоев отмечает: «Осетино-скифские параллели прослеживаются в обычаях почитания домашнего очага и надочажной цепи, по нашим многолетним наблюдениям и данным источников, присутствующим на Кавказе только осетинам, не считая сванов. "Клянись очагом, – говорил осетин, давая клятву, держась за очажную цепь (рахыс), – пусть Сафа (покровитель очажной цепи. – Б.К.) пронзит меня своей железной стрелой, если я говорю неправду"» (с. 51). Представленный автором анализ этнографического материала с привлечением данных смежных наук позволяет ему как бы продолжить диалог с учеными, которые на всесоюзной конференции 1967 г., посвященной происхождению осетин, высказали точку зрения о том, что осетины от иранского наследия сохранили только язык, а по культуре они – кавказцы.

Попытка исследовать историю осетин естественно переходит в анализ истории взаимоотношений этносов. Те же научная объективность и предельное внимание ко всем, даже малозначительным на первый взгляд, этническим проявлениям, штрихам и нюансам жизни народа отличают такие разделы первой главы, как «Этнографические данные о связях осетин со Средней Азией», «Осетино-балкарские этнографические параллели», «Осетино-вайнахские этнокультурные связи».

Рассматривая осетино-среднеазиатские параллели, характеризующиеся наличием многих архаизмов, автор указывает на роль древнеиранского элемента в этногенезе осетин и многих народов Средней Азии. Б.А. Калоев напоминает, что В.Ф. Миллер первым высказал мысль о том, что прародина ираноязычных осетин – Средняя Азия, откуда их предки пришли в южнорусские степи и на Северный Кавказ. Это положение было подтверждено исследованиями В.И. Абаева, который выявил большое количество языковых свидетельств, доказывающих северный путь движения предков осетин в Европу. При освещении данного вопроса Б.А. Калоев привлекает новейшие исследования ученых Средней Азии и Казахстана, находя в различных областях материальной жизни данные о связях осетин и среднеазиатских народов, в частности, приводя десятки примеров, показывающих поразительное сходство осетинского орнамента с орнаментом народов Средней Азии и, в свою очередь, сходство орнамента тех и других со скифским.

После сравнительного анализа этнографического материала автор констатирует, что «... благодаря усилиям скифов человечество получило неизвестный до них высококачественный продукт питания, каким является сливочное масло» (с. 71). Скифское искусство приготовления сливочного масла, идущее от иранцев, сохранилось в традиционном быту осетин и среднеазиатских народов; в Европе оно распространилось гораздо позднее: до середины XIX в. здесь признавали только растительное масло.

Исследователь отмечает сходство музыкального фольклора названных народов. Анализируется также сходство обычаев, связанных с жилищем. Аналогии усматриваются в средствах передвижения, похоронных и родильных обрядах, почитании одних и тех же тотемных животных (олень и волк). Автор приходит к выводу, что «обычаи осетин, характеризующиеся близкими чертами со среднеазиатскими, в частности с казахскими, туркменскими, узбекскими и каракалпакскими, видимо занесены их ираноязычными предками из Средней Азии, где служили иранским субстратом в культуре ее народов» (с. 67).

Проблема алано-тюркских (половецких) этнографических параллелей решается в книге с учетом множества классических этнографических, лингвистических, фольклорных, архивных источников: автор использует также сведения, собранные им лично во время экспедиций в Балкарию и Карачай.

«Несомненный интерес, – подчеркивается во вводной части раздела, – для нас представляют фамильные предания, записанные еще Миллером и Ковалевским. Этот вид устного народного творчества, каким бы тенденциозным он ни был, в какой-то мере отражает реальные исторические события и может помочь решению рассматриваемой проблемы» (с. 79). Судя по преданиям, половцы двигались с востока из Черка на северо-запад, постепенно проникая в ущелья Безенги, Хулам, Чегем и Баксан, повсюду сталкиваясь с местным аланским населением и ассимилируя его. В этой части Северного Кавказа до настоящего времени сохранилось большое количество осетинских топонимических названий.

Констатируя большую близость культуры осетин, балкарцев и карачаевцев, объясняемую активным участием алан в этногенезе этих народов, Б.А. Калоев прослеживает их этническое родство в самых разных областях материальной и духовной культуры, отмечает идентичность пахотных орудий, особенностей скотоводческой и земледельческой практики, архитектурных сооружений, общественного и семейного быта. «Свадебные обряды, записанные нами во многих селах Балкарии и Карачая, поразительно похожи на осетинские», – отмечает автор, полагая, что до принятия балкарцами и карачаевцами ислама сходными были и похоронные обряды (с. 87). Приводятся факты отголосков общих языческих верований, близкие параллели в этикете, музыкальном и хореографическом искусстве, данные о существовании у балкарцев, карачаевцев и осетин одинаковых фамилий.

Интересно наличие у тюркоязычных соседей осетин древней, иранской по происхождению двадцатеричной системы счета; осетинами она была утрачена и вновь воспринята уже от соседей с названием «асиаг нымад» – «балкарский счет». В плане выявления осетино-балкаро-карачаевских связей заслуживает внимания приведенный автором анализ этнонимов: балкарцев осетины называют *асиаг*, т.е. человек из страны Ассы. Это старое аланское самоназвание жителей Западной Алании в современном карачаево-балкарском языке означает «иноверец». В этом же языке есть слово «алан» в значении «друг, товарищ», отсутствующее у других тюркских народов.

Следует отметить, что, оперируя при решении вопросов этногенеза обширным этнографическим материалом, автор дает его всегда в сравнительном плане, что придает его выводам весомую аргументацию. Именно в таком ключе написан и следующий раздел первой главы монографии, посвященный анализу осетино-вайнахских этнокультурных контактов, которые привели к появлению многих сходных черт в хозяйстве, материальной и духовной культуре, общественном и семейном быту, традиционных верованиях обоих народов. Обращаясь к истории соседства указанных народов, автор приводит мнения таких авторитетных кавказоведов, как Е.И. Крупнов, Л.П. Семенов; он справедливо считает, что важнейшим источником для определения территории алан-осетин и предков современных вайнахов является топонимика: «Отметим лишь, что из 8326 зафиксированных А.Д. Цагаевой топонимов на территории Северной Осетии названия, объясняемые из осетинского языка, составляют 7012 ... весьма важным для данной темы является изучение алано-осетинских топонимов на территории бывшей Чечено-Ингушетии. Однако вопрос этот остается до сих пор вне поля зрения исследователей» (с. 95).

Говоря об осетино-вайнахском этнокультурном родстве в области традиционных занятий, орудий труда, архитектуры, Б.А. Калоев отмечает, что, судя по особенностям духовной культуры, обычаев, нравов, обрядов, фольклора, дохристианских и домусульманских религиозных воззрений, ингуши стоят намного ближе к осетинам, чем к родственным им чеченцам. В качестве примера он рассматривает обычай кровной мести, который у осетин и ингушей охватывает широкий круг родственников, продолжаясь годами, и нередко ведет к истреблению целых фамилий. Для чеченцев же характерно стремление погасить огонь вражды, не допустить его распространения, что, по мнению автора, может быть следствием влияния ислама, который вел непримиримую борьбу против обычая кровной мести.

Позднесредневековые осетино-вайнахские связи автор подтверждает наличием множества одноименных фамилий у осетин и ингушей (Дударовы, Плиевы, Гайтовы, Таутиевы, Калоевы, Льяновы и др.), выводящих имя своего родоначальника либо из Осетии, либо из Ингушетии. Причиной миграции в инациональную среду был, как правило, обычай кровной мести. Отталкиваясь от монографии У.Б. Далгат и результатов собственных исследований эпического наследия осетин, Б.А. Калоев резюмирует, что ингушские сказания особенно близки к осетинским не только по сюжету, но и по именам героев. Сообщаемый материал позволяет явственно ощутить, что ни в людях двух соседних этносов, ни в их культуре нет основы для конфронтации, а экстремистские лозунги об «исконных землях» разбиваются о незыблемые научные факты: так называемые исконные земли принадлежали казакам и даже этноним «ингуш» был дан соседями от названия аула «Ангушт».

Во второй главе автор не только демонстрирует блестящее знание существующих вариантов сюжетов

всех циклов нартского эпоса, дает подробные справки о времени, месте, условиях записи и публикации различных версий, вариантов, диалектных параллелей нартских сказаний, но и показывает понимание художественной обусловленности поэтического отображения народом его исторической жизни. Об этом свидетельствуют разделы «Некоторые этнографические параллели к осетинскому нартскому эпосу» и «Мотив амазонок в осетинском нартском эпосе». В них автор отмечает, что отдельные мотивы эпоса, в том числе мотив амазонок, восходят к сарматской эпохе; что формирование эпоса, происходившее параллельно с формированием осетинского этноса в Северном Причерноморье, отразило реалии жизни: в эпосе упоминаются не только горные пейзажи, но и море, большие реки (Дон – на осетинском языке – «вода», Днепр – «глубокая вода», Днестр – «большая вода»). Большую научную ценность не только для этнографов, но и для фольклористов представляют другие разделы этой главы: «История записи и публикации нартского эпоса», «Библиографическая справка о некоторых собирателях и исследователях нартского эпоса», «Перечень публикаций нартского эпоса».

Третья глава посвящена проблемам исторической этнографии и затрагивает такие вопросы, как похоронные обычаи и обряды осетин, отличающиеся архаичным характером и восходящие к самым древним корням – иранским и кавказским. В этой же главе дается историко-этнографический очерк значимых в истории индустриализации Осетии Садонских рудников. Здесь же автор на основе оригинальных авторских полевых материалов исследует историю некоторых фамилий и ущелий, исторических личностей, иллюстрируя фактическим материалом свой тезис о том, что этническую историю осетин надо изучать по ущельям, в которых в течение нескольких веков формировалась их культура. С точки зрения Б.А. Калоева, было бы целесообразно посвятить каждому из осетинских ущелий монографические исследования.

В канву исследования гармонично вплетается глава об истории этнографической науки. За скупым на эмоции анализом данных об этногенезе и этнической истории осетин в трудах В.И. Абаева, о кавказоведческой деятельности А.М. Шегрена, В.Ф. Миллера, М.М. Ковалевского, А.Ф. Кони чувствуется преклонение автора перед этими прекрасными людьми, тружениками во имя науки и народа. Несомненно не только большое познавательное значение данной информации: автор, впервые раскрывая большой вклад этих ученых в этнографическую науку, не только обозначил их научные интересы, приоритеты, предпочтения и достижения, но и создал образы людей духовных, цельных, гармоничных, способных стать нравственным ориентиром и для современников.

Многие из положений данного исследования уже известны широкому кругу специалистов, они неоднократно публиковались в разных изданиях, каждый раз с изменениями и существенными дополнениями. В данной работе они также подверглись новому осмыслению и оформлению, впервые автор представляет свои многолетние научные изыскания в области изучения осетинских фамилий и фамильных преданий, впервые им публикуется уникальный материал о Закии, впервые он поднимает вопросы, освещаемые в разделе «Были шах Аббас в Осетии?» и в разделе «А.Ф. Кони о Кавказе».

В представляемом труде Б.А. Калоев – непререкаемый авторитет в данной области научных изысканий – вновь проявляет заявленные им уже в первых работах высокий исследовательский уровень, научную скрупулезность, широту охвата анализируемых проблем. В данной работе автор, оставаясь верным своим исследовательским принципам, демонстрирует безупречное стилистико-языковое оформление исследования, присущий ему оригинальный авторский стиль – строгий, лаконичный и вместе с тем емкий и выразительный. Автор часто прибегает с целью аргументации к использованию народной афористики, что позволяет избежать сухости, присущей, как правило, такого рода трудам, делает работу легко читаемой, доступной для самой широкой читательской аудитории. Например, рассказывая о важной роли лошади в жизни скифов, сарматов, алан, автор показывает вместе с тем и то, как высоко ценили лошадей нарты, у которых была в ходу следующая поговорка: «Человек без коня – все равно, что птица без крыльев» (с. 10).

Несомненное достоинство книги – привлечение в русло исследования, а часто и непосредственное цитирование ставших библиографической редкостью кавказоведов прошлого века, подлинных ревнителей своего дела: В.Ф. Миллера, жизни и анализу научного наследия которого Б.А. Калоев посвятил монографию, А.М. Шегрена, так много сделавшего для развития осетинской культуры и о котором так мало знают даже специалисты, а также классических работ Геродота, Вахушти, Аммиана Марцеллина. Все повествование сопровождается оперированием примерами по этимологии и исторической грамматике осетинского языка, почерпнутыми из работ В.И. Абаева; автор, досконально знающий научное наследие Василия Ивановича, не только широко использует, но и подкрепляет их фактическим материалом этнологии.

Все разделы книги снабжены исчерпывающими списками литературы, многочисленными иллюстрациями:

это рисунки, репродукции картин интерпретатора нартского эпоса Махарбека Туганова, фотографии. Рецензируемая работа интересна не только для специалистов, но и с интересом читается людьми самых разных профессий и возрастов, поскольку вводит в научный банк данных мировой этнологии богатый фактический материал, позволяющий делать обобщения самого широкого характера.

Исследование помогает увидеть глубокую целесообразность традиционного уклада жизни, убедиться, что мир, в котором жили предки современных кавказских этносов, не был примитивным и простым, что достойная жизнь в нем требовала от каждого члена общества приложения силы воли, ума, духа. Книга Б.А. Калоева – важный аргумент как против этноцентризма, тенденции судить о других культурах с позиций превосходства своей нации, так и против ксенофобии, страха и неприязни к чужим обычаям.

Исследование Б.А. Калоева «Осетинские историко-этнографические этюды» помимо того, что оно является значительным вкладом в мировую и отечественную этнологию и заслуживает самой высокой академической оценки, несет в себе и этнопедагогические идеи, имеющие вместе с тем и воспитательное значение.

З.Б. Цаллагова

© 2000 г., ЭО, № 3

Е. Э. Хабунова. Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия. Исследование и материалы. Элиста, 1998. 224 с.

Монография Е.Э. Хабуновой – целостное описание жанров калмыцкого фольклора, связанных с традиционным свадебным обрядом калмыков, и поэтики образцов фольклора, исполнившихся во время совершения свадебного обряда. Данная работа – первая попытка целенаправленного сбора материала по свадебной обрядности калмыков и фольклору, сопровождающему свадебный обряд.

Предмет исследования автора – протяжные песни (гл. 1, с. 9–42), свадебные благопожелания – *йорялы* (гл. 2, с. 43–80) и малые устно-поэтические жанры, исполнение которых связано с компонентами свадебного обряда, а именно со сватовством и свадебными пиршествами (гл. 3, с. 81–102). Значительное место в монографии занимает сравнение калмыцкого фольклорного и этнографического материала с материалами по обрядности и различным жанрам фольклора других монголоязычных народов – халха-монголов и бурят, причем автор обращает внимание не только на сходства, но и на отличия калмыцкого свадебного обряда от монгольских и бурятских обрядов. Автор в описании своего материала проявляет внимание не только к собственно обрядовым текстам, но также пристально изучает образцы обрядовой поэзии, сохранившиеся в других жанрах калмыцкого фольклора – в эпосе «Джангар», который справедливо считается своеобразной энциклопедией истории культуры калмыков, а также в сказках и других памятниках калмыцкого исторического фольклора. Библиография, приложенная к книге, включает почти 200 наименований исследований и публикаций материалов на русском, калмыцком и монгольском языках.

Изучение обрядового фольклора представляет собой весьма сложную задачу, для решения которой исследователь должен быть в равной мере и фольклористом, и этнографом. Рецензируемая работа, так же как и предшествующие публикации Е.Э. Хабуновой, свидетельствует о том, что исследовательница прекрасно владеет материалом двух смежных научных дисциплин. Достоинства книги – богатство этнографических фактов и фольклорных текстов, вводимых в научный оборот, и последовательный характерологический подход к материалу.

В первой главе дается характеристика разных жанров калмыцких протяжных песен, исполнение которых приурочено к свадебным обрядам: это песни-гимны, пиришественные песни – *или*, песни-здравитцы, песни-назидания, песни, вызывающие плач невесты. Здесь особо стоит отметить характеристику образной системы и черт поэтики пиришественных песен и песен с подношением (с. 23–28, 28–35). При характеристике песен-назиданий и песен, вызывающих плач невесты, большое внимание уделено этнографическому аспекту и особенностям функционирования этих типов песен.

Вторая глава целиком посвящена обрядовой характеристике и особенностям поэтики свадебных благопожеланий – *йорялов*. В ней содержится детальная классификация благопожеланий по их связи с отдельными компонентами свадебного обряда в определенной последовательности. Автор специально останавливается на бытующих у калмыков представлениях о магической силе слова, обуславливающих